КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008(091) DOI: 10.25730/VSU.2070.21.027

«Позавидовала кошка»: отношение к домашним животным в России в XVIII – начале XX века (культурно-исторические и зооантропологические аспекты)

В. А. Коршунков[1], А. В. Коршункова[2]
[1]кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru
[2]студентка, Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины,
сотрудник АО «НПО “Дом фармации”».
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: a.korshynkova@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется отношение к домашним животным в низовых сообществах России – в крестьянской среде, а также у некоторых городских групп населения, преимущественно в XVIII–XIX вв. Источниками служат, главным образом, мемуары, а также произведения русской литературы того времени, особенно такие, в которых эта тема не является главной, а вводится попутно, в качестве дополнительной характеристики обстановки или героя. Мировоззрению людей, живших в традиционном обществе, была присуща мифологизированная оценка кошек и собак. Похоже, что собак воспринимали более опасливо и настороженно, чем кошек. Русская народная ветеринария не замечала болезней кошек и собак, в то время как имелись способы диагностики и классификации болезней других животных – коров, лошадей, свиней, овец, коз, домашней птицы. Славянской народной традиции были свойственны разнообразные магические обряды, при которых требовалось убить кошку. Причем в таких случаях кошек губили жестоким образом. Когда же в имеющихся в нашем распоряжении нарративных источниках заходит речь о любви к домашнему животному (например, лошади, корове), то выясняется, что эта «любовь» не связана с проявлением чувств. К тем животным, которые в условиях современной городской жизни сделались любимыми домашними питомцами, деревенские жители относились прагматично: у взрослых крестьян почти не бывало душевной симпатии и бескорыстной привязанности к кошкам и собакам. Незаменимые для сельской жизни лошади и коровы, разумеется, ценились, но как имущество, не более того. Широко распространенные утверждения, будто наши предки любили домашних животных, не находят подтверждения в нарративных источниках.

Ключевые слова: зооантропология, домашние животные, повседневная жизнь, мемуаристика, русская литература, Россия XVIII–XIX веков.

В Новгородской области в 1960-х гг. записана реплика: «Живет кошка, живет и собака!» Это было произнесено немолодой женщиной, которая хотела сказать, что житье-бытье бывает разное, человеку же хочется пожить по-людски [22, с. 309]. Выходит, судьба кошки и собаки куда хуже человечьей, и это в порядке вещей. Речь здесь о них и пойдет. Попутно проверим, проявлялась ли сколько-нибудь заметно искренняя, бескорыстная привязанность к иным домашним животным – тем, что были незаменимы в хозяйстве. Будет рассмотрено отношение к домашним животным в низовых сообществах России (преимущественно в XVIII–XIX вв.) – в крестьянской среде, а также у некоторых городских групп населения. Для изучения этой тематики важны суеверно-религиозные аспекты восприятия в народе кошек и собак и представления о необходимости (или ненадобности) их лечить.

Отношение к домашним животным в дореволюционной России – тема, не слишком привлекавшая внимание. В других странах издано множество монографий и популярных изданий по так называемой зооантропологии и антрозоологии (то есть о взаимодействии людей с животными), выходит несколько специальных журналов. А в России даже статей немного: они начали появляться в заметном количестве лишь в XXI в. Примечательно, что о положении

© Коршунков В. А., Коршункова А. В., 2021

собак и других домашних животных в разные эпохи российской истории пишут почти только иностранные ученые [31–33; 35–37].

В нашем распоряжении имеются многочисленные источники (главным образом, повествовательные). Кроме текстов личного происхождения (мемуаров, дневников), существенное значение имеют произведения русской литературы XVIII–XIX вв., в которых нередко заходит речь о домашних животных.

«Кошка – она пес». Мировоззрению людей, живших в традиционном обществе, была присуща мифологизированная оценка кошек и собак. Похоже, что собак воспринимали более опасливо и настороженно, чем кошек. По наблюдениям филолога и религиоведа Б. А. Успенского, «отношение к собаке разительно отличается от отношения к кошке, которая понимается, напротив, как ч и с т о е животное» (разрядка автора. – *В. К.*). Успенский приводил такие примеры: кошка может находиться в церкви и даже жить при ней, не оскверняя святое место, а собака нет; кошку могут называть христианскими именами (Васька, Машка), а для собаки это недопустимо, разве только имя не из православных святцев, а иноязычное [29, с. 152, прим. 44]. Разумеется, речь тут идет о традиционной культуре, а не о современности. И пожалуй, слова «разительно отличается» не слишком подходящи. Но все же в простом народе отношение к собаке и вправду бывало несколько худшим, чем к кошке.

«Собакой», «псом», «сукиным сыном» славяне издавна называли того, кого хотели оскорбить, причем оскорбить сильно. В таких инвективах явно слышался призвук ритуальной собачьей нечистоты. Обычное обозначение злодея «басурмана» – что-нибудь вроде «сукин сын, поганая собака». Недаром есть мнение, что в славянской «матерной» брани некогда имелся в виду «пес», который, дескать, «поимел» твою мать [29, с. 107–126]. А ругательное словцо «пес» в народной речи могло обозначать животное поганое – причем не обязательно только собаку. Нижегородские старообрядцы знали, что «собака – друг, но она – пес». И о кошке могли сказать, что та – «пес» [7, с. 36–37, 188–189; 9, с. 182–184; 10]. При этом с христианской точки зрения (которая восходит к Ветхому Завету), и кошка, и собака – животные нечистые. Собственно, это означает, что древним евреям было запрещено употреблять их в пищу. По мнению современного ученого-богослова, преподавателя кафедры библеистики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета о. Александра Прокопчука, существующее по сию пору убеждение, согласно которому кошке можно находиться в храме, а собаке нельзя, – непонятного происхождения. По крайней мере, неизвестны такие запреты в Священном Писании или Предании. Не существует и чина освящения храма после нахождения там собак и других животных [19, с. 51][1]. Известно, что в России XVI–XVII вв. собака одним своим появлением оскверняла церковное здание [36, p. 480–481]. И специальный «Чин на очищение церкви, егда пес вскочит в церковь или от неверных войдет кто», в Московской Руси все же имелся. Он был отменен в XVII в. в ходе реформ патриарха Никона. Кроме того, духовному лицу запрещалось держать собаку [29, с. 120–121]. А из многочисленных архивных дел известно, что в XVIII–XIX вв. так называемое «малое освящение» храма после того, как в него забежала собака, бывало обязательным. В таком случае богослужение в храме приостанавливалось, священники извещали епископа, тот отдавал распоряжение, и храм переосвящали [30, ф. 237, оп. 76, д. 760; ф. 237, оп. 120, д. 111; ф. 237, оп. 120, д. 195]. В наши дни отношение к попавшей внутрь церкви собаке куда проще: ее, конечно, сразу же выпроваживают, но обычная череда богослужений не прекращается.

Однако и кошку воспринимали, скорее, негативно. Вообще-то она ассоциировалась с домом (и женщиной), а собака – с двором (и мужчиной): «Кошка на печке, пес на крылечке»; «Кошка да баба завсегда в избе, а мужик да собака завсегда на дворе» [24, с. 142]. По сравнению с обжитым домашним пространством, мир внешний (где и должна была находиться собака) представлялся мифологически опасным. То, что кошка – «женское» животное, заметно и в наше время. Интересны некоторые сходства в отношении мужчин к тем и другим, причем в различные исторические эпохи [6, с. 83–84]. Фольклорно-мифологическая ассоциация «кошка – женщина», очевидно, повлияла на восприятие этого животного как потенциально вредоносного (то есть она – как ведьма). В с. Усть-Цильма Республики Коми, по словам исследовавшей местную

[1] Тем не менее в современной церковной среде время от времени возникают споры, и чаще – о собаке. Ср., например, два таких мнения – условно говоря, «за» (собака не является нечистым животным) и «против» (пусть пес знает свое место): [20; 17].

народную традицию Т. И. Дроновой, «в кризисных ситуациях говорили: “Кошка – помощник смерти”» [11, с. 25].

Священник М. И. Осокин, изучая в середине XIX в. образ жизни русских жителей Малмыжского уезда Вятской губернии, указывал: «Кошку никогда не берут в подарок из дома в дом, если не хотят ссоры между этими домами. В предотвращение возможных неприятностей отдают несколько копеек за кошку» [21, т. 60, с. 8]. Обычай давать одну-две-три мелких монетки приятелю или соседу взамен за то, что он готов тебе подарить, хорошо известен, он существует и поныне. Осокин же пишет именно о кошке и прямо указывает на возможную ссору. Значит ли это, что, по народным поверьям, кошка могла внести раздор между людьми? Говорят же: «между ними чёрная кошка пробежала» (прежде упоминали и кошку серую). Видимо, дело не в цвете меха, а в самом по себе этом животном, которое считалось вестником несчастья [15, с. 128–137]. В конце концов, кошка ассоциировалась ведь не только с женской сферой, но также с «иным миром» и «нечистой силой» (так было не только у славян).

Многим нашим современникам, привыкшим к любимицам кошкам, обитающим почти в каждой квартире, даже не верится, что еще не так давно хорошие собаки (не шавки дворовые) ценились куда выше, чем котики. Разнообразных собак (включая шавок), похоже, и числом побольше было, чем кошек. Кое-кто и вовсе терпеть не мог кошачего присутствия. Поэт П. А. Вяземский (1792–1878) участвовал в Бородинском сражении. В своих мемуарах о тех днях он приводил такую деталь: «В избе, которую уступил мне Милорадович, нашел я кошку. Я к этому животному имею неодолимое отвращение. Пред тем, чтобы лечь спать, загнал я ее в печь и крепко-накрепко закрыл заслонку. Не знаю, что с нею после было: выскочила ли она в трубу, или тут скончалась. Нередко после совесть моя напоминала мне это зверское малодушие. Тогда еще не был я членом Общества покровительства животных, и об этом покровительстве мало кто думал».

Один из героев повести В. И. Даля «Вакх Сидоров Чайкин» (1843) – немолодой отставной чиновник, холостяк Иван Иванович по прозвищу Три-Ивана. Он был пылким любителем певчих птиц и при этом свирепым ненавистником кошек. «Но враги Ивана Ивановича, на которых он был зол и мог очень сердиться, это были хорьки, ястреба, и в особенности кошки. “Я лучше дам себя укусить бешеной собаке, – говаривал он, – чем позволю кошке перелезть по моей крыше”. И он в пятнадцать лет успел убедить всех жителей Комлева в непозволительности держать в городе кошек или успел перебить всех их, не знаю, но только в Комлеве давно уже кошки перевелись, не было ни одной. Пожалуйтесь на крыс и мышей, и Три-Ивана сию минуту задарит вас мышеловками своей работы, только не держите, не разводите кошек. При всем неограниченном миролюбии его у него бывали ссоры и тяжбы с соседями за кошек; он настоятельно требовал, чтобы полиция запретила держать их, подводя их под статью о хищных зверях, которых пунктом таким-то держать в городах запрещено. Не успев же в этом деле путем правосудия, успел он в нем путем убеждения и самовластия; бил кошек всюду, где они ему попадались, ловил их в капканы, платил мальчишкам за каждую убитую ими кошку, усовещевал жителей при каждом удобном случае не держать этой подлой твари, которая бывает причиною всякого зла на свете: лихорадки, сухотки, родимца и вообще гнева божия». Про его молодость рассказывали, «что он, будучи в то время еще страстным охотником до ружья и собак… просился из той губернии, где служил, в южные губернии России потому только, что суровый климат был не по здоровью любимой легавой собаке его…». Так что поначалу он был охотником, а это особая порода людей, привыкших преследовать, настигать, приканчивать, расчленять. На кошек же он, ценитель пташек, смотрел как на хищников, которые опасны для пернатых. И вознаграждал детей за каждый трупик.

У славян ходили легенды о том, что как-то раз в далеком прошлом кошка и собака заступились за грешных людей. Бог в наказание сильно уменьшил размеры хлебного колоса, а кошка с собакой, плача, вымолили себе пищу – мол, сами они не причастны чужим прегрешениям. Бог оставил им немного – кошачью да собачью долю. С тех пор люди этим и питаются. Это рассказывали, поясняя несмышленым, почему домашних животных слишком уж обижать не следует [4; см. также: 5, Н46].

Заживет как на собаке! В 1912–1914 гг. этнограф и фольклорист Г. С. Виноградов собрал ценные материалы по народной ветеринарии у русских сибиряков. Больше всего у него оказалось сведений о лечении лошадей, затем – коров. И лишь единичные записи – о собаках, свиньях, домашней птице. О кошках же – ничего [8].

Знаток народной жизни, уроженец Вологодчины, писатель Василий Белов (1932–2012) в очерке о деревенских коновалах пояснял, что главной их обязанностью «конечно, было легчение, иными словами, охолащивание жеребцов, быков, баранов и поросят…». Кроме того, коновалы умели сводить лишаи, делать примочки, выводить глистов, вставлять кольца в ноздри быкам, а бодливым – отпиливать рога. «Собаки и кошки коновала не интересовали. Их пользовали сами хозяева, иногда совершенно глупо. Так до сих пор неизвестно, для чего и зачем некоторые обрубали коту кончик хвоста. Предполагалось, что такой кот лучше ловит мышей» [3, с. 54]. Не интересовали же коновала кошки да собаки как раз потому, что их здоровье не особенно заботило самих хозяев. Не считать же такой заботой обрубание хвоста, которое, по толкованию крестьян, должно содействовать кошачьей «службе», ради которой кошку и держали при доме.

По наблюдениям современного этнографа и фольклориста М. Д. Алексеевского, ветеринарные попечения русских крестьян касались, прежде всего, лошадей да коров. Болезням свиней, овец, коз и домашней птицы внимания уделялось гораздо меньше. А уж о здоровье собак да кошек, которые жили почти в каждом деревенском дворе, и вовсе не заботились. В изученных Алексеевским письменных источниках по народной ветеринарии встречаются лишь две собачьи болезни – «чума у собак» и «собачье бешенство». Вторая болезнь опасна для людей, и потому внимание обращалось на магические способы обезопасить от нее человека. При этом «упоминаний о болезнях кошек и методах их лечения нет ни в одном из просмотренных нами источников». Алексеевский делал вывод: «Очевидно, что чем важнее животное для крестьянского хозяйства, тем больше выделяют у него болезней и способов их лечения» [1, с. 37]. Надо иметь в виду, что на такое отношение к болезням животных могло влиять убеждение, отмеченное у старообрядцев: «Скотина за наши грехи болеет. Поэтому лечить ее нельзя» [26, с. 94]. Интересно, что в Англии не так уж и давно – в 1930-х гг., судя по ветеринарной практике, люди очень заботились о лошадях, а о собаках все еще не очень [36, p. 468][2].

Видимо, как раз потому, что в народе не замечали хворобы кошек и собак, складывалось представление, будто эти животные особенно живучи. Говорили: «Заживет, как на собаке»; «У кошки девять жизней». Действительно, собака зализывает рану, а ее слюна целебна, кошка же может выжить, даже упав с большой высоты. Но слюна многих других животных тоже обладает бактерицидными свойствами, а кошачья выживаемость при падениях стала особенно приметна лишь в условиях города, когда кошки начали обитать в высотных зданиях. Так что дело отнюдь не в том, будто нынешние домашние любимцы болели реже, чем овцы, коровы и лошади.

Записанный уже в XXI в. в Москве заговор «от запора у домашних животных» (конкретно – у собаки), судя по смыслу и по стилистике, явление позднее и городское [18, с. 40]. Правда, в одном рукописном лечебнике 1660-го г. содержится «отговор» от порчи собаки «лихим человеком» («И се слова, кто собаку испортит – смыти водою и говорити…») [27, с. 375], но, очевидно, имелся в виду ценный для хозяина пес – породистый, охотничий, дрессированный.

У Василия Белова в другом месте его книги о повседневной жизни севернорусских крестьян находим иные – уже, по-видимому, переосмысленные – суждения: «Жизнь домашних животных никогда не противопоставлялась другой, высшей, одухотворенной жизни – человеческой. Крестьянин считал себя составной частью природы, и домашние животные были как бы соединяющим звеном от человека ко всей грозной и необъятной природе. Близость к животным, к природе смягчала холод одиночества, который томил душу человека при взгляде на далекое мерцание Млечного Пути»; «Лошадь в крестьянском мире и пахала и возила, но она же помогала воспитанию в человеке и нравственного чувства»; «Животных любили и холили все домашние» [3, с. 177, 178].

Недаром эти утверждения звучат как литературные красивости. Все это неточно, как-то слишком напоказ и чуть фальшиво. Разве можно утверждать всерьез, что человек традиционного общества «считал себя составной частью природы» и не противопоставлял свою «одухотворенность» существованию бессловесной скотины? Писатель припоминал свои детские впечатления, вольно или невольно идеализируя былую жизнь. Ребенок-то в деревенской семье относился к своим животным добрее и ласковее, чем взрослый.

Закопать живую кошку. На традиционной славянской свадьбе нужно было демонстрировать целомудрие невесты. После первой брачной ночи гостям показывали ее нижнюю рубашку с кровавыми пятнами. Девушка в народной поэзии сравнивалась с калиной, на свадьбе

[2] Со ссылкой на: [34, p. 470, note 15].

ветки этого деревца (или именовавшиеся «калиной» красные ленты и иные предметы) символизировали девственность невесты, а выражения «калину ломать», «потерять калину» относились к дефлорации. В украинской народной песне пелось о том, что нужно сделать в случае «нечестности» невесты: схватим кота, раздерем его, засунем под перину: «…Да роздеремо кота; // Занесемо під перину // Та зробимо калину» [28, с. 447]. Если нужно раздобыть немножко крови, то для этого всегда под рукою кот.

Чаще всего в народной любовной магии использовались кошки да собаки, причем самым живодерским образом. По наблюдениям фольклориста и этнографа В. Л. Кляуса, такому обращению обычно подвергались кот, заяц, свинья, собака: «Выбор животных не случаен. Они отличаются от других плодовитостью или повышенной сексуальной активностью. Это было, видимо, рано замечено и стало использоваться в любовной магии…» [13].

Славянской народной традиции свойственны разнообразные магические обряды, при которых требовалось убить кошку. Так делали при закладке нового дома или же для того, чтобы в домохозяйстве «велись» овцы (либо сами кошки). У черного кота старались обнаружить кость, которая была способна сделать человека невидимым. На мельницах специально держали животных черной масти (чаще всего кошек и петухов), чтобы в случае необходимости бросить их в воду и тем задобрить разбушевавшегося водяного. Верили, что нижняя челюсть черного кота помогала отыскивать клады. С помощью кошачьей косточки можно было распознать ведьму, а мстили ведьме, закапывая пойманного кота под порогом ее хлева. Для предотвращения начавшегося скотского падежа нужно было зарыть павшую скотину вместе с кошкой. Убитых кошек прикапывали на поле, чтобы сорняки не росли. Их убивали ради большей действенности колдовского заклятия. И во всех таких случаях кошек губили жестоко: зарывали живьем, раздирали на части, сжигали, варили заживо [23, с. 256–257, 274–275, 286, 289; 2, с. 129–131].

Вот какой случай приводил в своих воспоминаниях Л. А. Травин (1732–1818), который, родившись крепостным крестьянином, смог получить личное дворянство. В 1808 г. умер его уже взрослый сын Андрей. За две или три недели до того Андрею в доме и во дворе слышались «гласы», певшие «Господи, помилуй». Сперва он призвал священника, и тот окропил дом святой водой. «Но, как и потом такие ж гласы слышны были, к великому сожалению, обратился он искать поможения от волшебников и призывал порознь двух мужиков, кои уверили его, якобы от неприятелей его насланы нечистые духи. И они действовали свои богомерзкие шепты, даже один из них выдумал закопать живую кошку в землю». Увы, не поспособствовало, и кошка погибла зря.

А. А. Фет во второй половине 1840-х гг. служил в кирасирском полку. Он вспоминал одного из офицеров соседнего полка – молодого человека, корнета по фамилии Бедер. У того была особенность, «которая нередко встречается между людьми: он был готов явиться резким и даже беспощадным по отношению к человеку, но питал самую глубокую нежность к беззащитным животным. <…> Однажды, когда я преднамеренно рассказывал Бедеру, как у нас при опахивании деревни от коровьей смерти зарывают в землю черную собаку и черную кошку живыми, Бедер воскликнул: “В такой деревне надо попа по шею в землю зарыть и плугом голову оторвать”». Один из сослуживцев на это заметил: значит, у Бедера в его Лифляндии так учат, и хорошо бы молодого человека перевоспитать. Возможно, этого офицера коробили столь непочтительные слова лифляндского немца в адрес православного священнослужителя. Опахивание – старинный русский обряд, проводившийся, как правило, для изгнания заразной болезни (эпидемии или эпизоотии) из селения или ради недопущения туда заразы, появившейся поблизости. При этом участники обряда проводили плугом круговую борозду. Иной раз они приканчивали встреченных на пути животных, которые считались олицетворением болезни. Если Фет верно воспроизводил особенности опахивания «от коровьей смерти» в своей родной Орловской губернии, то получается, что оно могло проводиться с участием священника, а собаку с кошкой закапывали специально[3]. То, что казалось нормальным провинциальному крестьянству (да и духовенству), возмущало образованного и гуманного дворянина. И не так уж важно, что этот человек был из немцев.

[3] У другого знаменитого уроженца Орловской губернии – И. А. Бунина – в повести «Деревня» (1910) имеется описание профилактического опахивания от «коровьей смерти», но вроде бы без участия священника.

А если это любовь? В опубликованной в 1864 г. повести пермского уроженца Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» говорилось о жизни крестьян коми-пермяков из отдаленной местности – очевидно, из Чердынского уезда Пермской губернии. В деревне Подлипной «воздух оглашается криком крестьян на животных, лаем одной собаки, единственного деревенского сторожа, уцелевшей каким-то чудом от бойни хозяина, желавшего употребить ее шкуру на шапку…» О жителях деревни сказано: «Досадно им: зачем дети родятся от них, и с маленькими детьми обращаются как люди с котятами; одни только матери немножко присматривают за детьми. С пятилетнего возраста дети растут на произвол судьбы…» Вот как относился крестьянин Пила к жене Матрене: «…Пила бил ее, во время своей злости, как лошадь, чем попало». И лошадь свою бил: «Пиле все теперь опротивело, проклял он свою жизнь, долго бил свою лошадь, сам не зная, за что, сел на дровни, стегнул лошадь, лошадь пошла по улице». Когда же ее украли, он очень горевал: «Горе его велико было, лошадь – товарищ крестьянина. Куда он теперь денется без лошади…»

В общем, у мужиков-подлиповцев собаки при случае становились источником сырья (шапки и рукавицы у них из собачьих шкур), лошадей принято лупить, а обращаться «как с котятами» означало пренебрегать… Однако и любовь к домашнему животному тоже заметна: «Матрена больше всего в своей жизни любила корову. Корова для нее была больше, нежели дети: дети ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молоком и летом не просила есть, а питалась в лесу, сама находила пищу для себя; только зимой Матрена наваливала ей сена каждое утро. А теперь как она будет жить без коровы?..»

Как видно, у Матрены любовь к корове вполне прагматичная. Именно такое отношение крестьян к необходимым в хозяйстве животным нередко и выявляется, когда ученые задаются правильно поставленными вопросами. Американский историк Дэвид Рэнсел исследовал влияние высокой смертности на психологию людей прошлого. Если смертность новорожденных в сельской России еще недавно была столь значительной, то как на это реагировали родители? Случалась ли у них своего рода атрофия чувств? Верно ли, что матери, защищаясь от эмоциональной травмы, уделяли минимум внимания своим детям? Что означало «полагаться на волю Божью» (это когда болезненного младенца оставляли почти без попечения)? Образованные современники – врачи, статистики, публицисты – удивлялись тому, что деревенские женщины нередко более заботились о корове, нежели о ребенке. Рэнсел нашел ключ к ответу на эти вопросы в рассказе 73-летней смоленской крестьянки. Она говорила собирательнице о том, сколь важно иметь для детишек вдоволь коровьего молока. И сообщила о таком случае. Как-то раз у нее серьезно захворал младший сынишка. «Медичка» обнаружила воспаление легких и дала направление матери и ребенку в больницу районного центра. «А я говорю, не могу, у меня корова должна отелиться. Врачи начали меня ругать: “Кто тебе дороже, сын или корова?” А я говорю: “Мне корова вторая мать, она всех кормит”. И ушла с сыном… А что бы я без коровы делала, чем бы я детей кормила?» Рэнсел так комментировал эту историю: «Кто, зная ее ситуацию, подумал бы, что она сделала неразумный, необъяснимый выбор, позаботившись сначала о корове, а потом о сыне? Она рисковала своим младшим сыном, чтобы не подвергнуть серьезной опасности всех остальных детей. К счастью, ее больной сын выздоровел» [25, с. 108–109]. В общем, когда крестьянка твердила: «Мне корова вторая мать…» – она уж точно не любовь к животному имела в виду.

Знаток пореформенной русской деревни, популярный в те годы литератор Глеб Успенский в очерке «Общий взгляд на крестьянскую жизнь» (из опубликованного в 1880 г. цикла «Крестьянин и крестьянский труд») поведал одну историю. Когда у рачительного крестьянина Ивана Ермолаевича баран сильно зашиб рогами сынишку, то и сам хозяин, и его жена «мучились» над несчастным мальчиком: прикладывали что-то, поили травами, переживали… Но все это, по мнению Успенского, как-то не всерьез, лишь домашними средствами. А вот когда у Ивана Ермолаевича кобыла захромала, так он ее тоже сперва сам пользовал подручными средствами, как умел, а после все же поехал за коновалом, привез его и три рубля серебром не пожалел, чтоб тот лечил кобылу. На взгляд Успенского, отношение мужика к лошади куда серьезнее, чем к сынку. Успенский добавлял и такой аргумент: «…Никак не могу не обратить внимания на то, что вот для лошади в народе есть уже профессия коновала, и профессия не вполне шарлатанская; к услугам коновала прибегают и культурные владетели лошадей. У коновала есть “инструменты”, выдуманные народом, есть “верные”, точные средства, а для человека ничего в этом роде не выдумано кроме знахарей, которые далеко ниже по познаниям коновала и, как всем известно, преисполнены шарлатанства, выезжают на невежестве, тогда

как коновалу на незнании своего дела никоим образом выехать невозможно: всякий крестьянин и сам в этих (лошадиных) делах понимает очень много. А вот когда мальчишка орет, то тут могут только плакать и прикладывать тряпку с навозом или с чем-нибудь другим, что тут "около дому" валяется, как никуда негодная дрянь. Единственно, чем я могу объяснить такое внимание к лошади, это тем, что она нужна в каторжном труде ежедневном и неустанном, так как без этого труда ни Ивану Ермолаевичу, ни его мальчишке нечего было бы есть». При этом Успенский отдавал себе отчет, что ремесло коновала – по сути, тоже знахарское. В другом очерке того же цикла живо и несколько саркастически описан процесс постепенного превращения обычного деревенского кузнеца в авторитетного коновала: просто-напросто тот частенько подковывал лошадей, ну так новое ремесло к нему и «подошло».

Успенский толковал несколько пристрастно и даже превратно. Чем уж таким существенным отличались «профессионалы» коновалы от «шарлатанов» знахарей? И само по себе пренебрежение к знахарям показательно для тогдашнего интеллигента – не настолько все же они бывали никчемны. Кроме того, мальчишка ведь смог оправиться после удара и испуга – по крайней мере, родители сочли, что с ним все более-менее в порядке. Спросить их: а если сын не оклемался бы, да и знахарь бы не помог – надо везти его в земскую больницу или нет? Что ответил бы на это разумный мужик (каким и был Иван Ермолаевич)?.. Однако главная мысль Успенского очевидна: здоровая и сильная лошадь – залог успешного крестьянского дела. С этим спорить не приходится. Но разве ее любили – в таком же смысле, как любят ребенка?

В рассказе Н. Н. Златовратского «Деревенский король Лир» (1880) главный герой, толковый старый крестьянин, вспоминал, как он когда-то хлопотал, чтобы возвратить сданных в солдаты сыновей. Справедливость была на его стороне, но времени совсем не оставалось, и ему пришлось гнать свою лошаденку изо всех сил, чтобы успеть. Сыновей уже увозили, они прощались с домашними, когда он поспел, наконец, с нужными официальными бумагами. Тогда он твердил: «Помни, родные, кабы не кобыленка, стоять бы сыну под красною шапкой… Заслужил конек!.. Умирать с голоду буду, ежели господь попустит, а с ним не расстанусь. Сам своими руками похороню, ежели переживу… Заслужила примерная». Рассказав это, дед стал показывать гостю свой дом и полный всякой живности двор. На вопрос гостя, не здесь ли «примерная» кобылка, которая тогда «заслужила», дед отвечал: «Променял ту, на базаре променял. Хромать шибко стала. Пристарела, видишь… Нельзя по нашему делу, ежели через конец предела. Всякому конец предела есть… Долго терпел, жалко было, да, братец, ничего, видно, не поделаешь: старую колоду в овраг вали!..» И вроде ж верно: для крестьянина недопустимо бесполезную, хоть и заслуженную, лошадь в хозяйстве держать. Чего бы он прежде не обещал… Жалко было, но пришлось-таки ее «на базаре променять», то есть сдать на убой.

«Кормить их еще, чертей!» Во время Великой Французской революции простолюдины преследовали и истребляли не только дворян, но также их охотничьих собак. Подобное происходило и в охваченной революционной смутой России. Русско-французская писательница и мемуаристка З. А. Шаховская вспоминала, как в 1918 г. в поместье их семьи произошло чудовищное и бессмысленное убийство барских собак одним из местных мужиков. Он подкинул отраву и стал любоваться их страданиями. Девочка едва умолила квартировавшего в поместье матроса застрелить собак, чтобы прекратить мучения.

Максим Горький в воспоминаниях о В. И. Ленине приводил такую историю:

«В 19 году в петербургские кухни являлась женщина, очень красивая, и строго требовала:

– Я княгиня Ч., дайте мне кость для моих собак!

Рассказывали, что она, не стерпев унижения и голода, решила утопиться в Неве, но будто бы четыре собаки ее, почуяв недобрый замысел хозяйки, побежали за нею и своим воем, волнением заставили ее отказаться от самоубийства.

Я рассказал Ленину эту легенду. Поглядывая на меня искоса, снизу вверх, он все прищуривал глаза и наконец, совсем закрыв их, сказал угрюмо:

– Если это и выдумано, то выдумано неплохо. Шуточка революции».

Художник В. В. Домогацкий (1909–1986) в своих воспоминаниях описывал детство, проведенное в Москве:

«В восемнадцатом году у маминых друзей Эвертов сохранился как-то довольно приличный выезд, они взяли меня однажды с собой покататься в Петровский парк. <…> Гуляющих было мало, но все-таки они еще были. Одно время в ряду с нами ехала коляска куда элегантнее нашей; добротнейший кучер сидел на козлах, а в самой коляске на сиденье, как сфинкс,

находился ее единственный пассажир – белый с рыжими пятнами английский бульдог. Он сидел раскорякой, изредка мигая умнейшими глазами, уверенно выставив вперед свой кирпатый нос.

В агонии отходил мир, в котором было естественно прогулять в коляске под вечер бульдога. Пройдет еще два года, и английский бульдог станет достоянием учебников не меньше, чем мамонт».

Надежда Мандельштам в документальном очерке «Предыдущий лошаденок» заметила: «Революция задела и собак, но это неудивительно, потому что они тесно связаны с людьми, так же как коровы, лошади и другой домашний скот. Хозяева породистых собак бежали за границу, и на улицах появилась масса бродяг, рывшихся в помойных ямах». Таким собакам приходилось особенно тяжко. Конечно, коровы, лошади, овцы, козы тоже «тесно связаны с людьми», однако не совсем так, как породистые псы. Сельский скот человеком эксплуатируется, а городские домашние питомцы, вроде породистых собак, стали компаньонами и друзьями. Им и доставалось, как людям, при социальных пертурбациях.

Литературоведы А. И. Куляпин и О. А. Скубач одну из глав своей книги о смыслах советской культуры назвали: «Верный Брут: собаки в отечественной культуре первой половины XX века». Они обращают внимание на то, что сразу после революции отношение к собакам, которые до того казались естественным дополнением повседневной жизни обеспеченных людей, стало резко отрицательным: «Представление о бесполезности собаки достигло своей кульминации в послереволюционной разрухе периода военного коммунизма, когда перед человеком наиболее остро стала проблема собственного выживания. Императив всеобщей экономии и послужил причиной негативного отношения к собаке в новой культуре». (Разумеется, речь идет о собаках породистых и домашних любимцах.) «Убеждение в ненужности домашних питомцев сохранялось в массовом сознании советского обывателя очень долго», – пишут авторы. И приводят в пример наблюдение Михаила Булгакова (1932 г.) за 20-летней девкой-домработницей, которая о собаках и котах отзывалась так: «Кормить их еще, чертей!» Ссылаются они и на Александра Твардовского, который в 1960-х гг. упрекал Илью Эренбурга за то, что в его мемуарах слишком много собак, а это в представлении народа – «признак барства» [16, с. 102–104].

Да, верно, что в советские годы к дорогим породистым псам и балованным комнатным собачкам отношение у многих людей было недоуменно-презрительное. Но дело ведь не только в том, что советские люди были навсегда травмированы несколькими страшными годами «военного коммунизма». Жестокие годы длились и длились – вплоть до 1960-х. Главное (тут Твардовский прав): народ недолюбливал собак породистых. И так было всегда, задолго до революции. Та самая девка-домработница у Булгакова – она и есть народ, со всеми укорененными предубеждениями. Она терпеть не могла не только собак, но и кошек в городской квартире, где их нужно было подкармливать. Если нам сейчас укоры Твардовского в адрес Эренбурга кажутся несколько странными, то это потому, что народ за последние десятилетия кое в чем изменился: живет преимущественно в городах, держит в квартирах и кошек, и собак, угощает их покупными деликатесами. И любит.

Специалистка по древним культурам Америки Г. Г. Ершова заметила, что в нынешней Мексике «бытовое отношение к собакам поразительно плохое». Обобщая свои наблюдения, она писала: «Достаточно поездив по самым разным местам, я давно поняла, что доброе отношение к животным – это результат или отсутствия голода, или специального воспитания. Так называемые “традиционные общества” относятся к животным исключительно утилитарно – приблизительно так, как это делается в российской деревне или на подмосковной даче: кота кормить не надо – пусть ловит мышей. А если кот мышей не ловит или (например, в городской квартире) их нет, то его можно с чистой совестью “отвезти в лес”, выгнать, бросить зимой на даче. Если породистая сука перестала рожать щенков или получать медали, то ее спокойно можно усыпить или “отдать”. <…> Как бы то ни было, “традиционное” утилитарно-жестокое отношение к животным мне долго казалось противоречащим представлениям о “гармонии сельской жизни на природе”, о которой так любят вздыхать экологисты. Порой складывается впечатление, что кот и собака были специально созданы для того, чтобы заставить человека задуматься о чем-то, что выходит за убогие рамки его потребностей (как материальных, так и духовных). Чтобы показать, что существуют любовь и преданность не ради чего-то, пусть даже очень важного и хорошего, а “просто так”, “ни за что”» [12, с. 308].

Действительно, к тем животным, которые в условиях современной городской жизни сделались любимыми домашними питомцами, люди прошлых времен и деревенские жители

относились прагматично: кошки да собаки жили в значительной мере на самопрокорме, и у взрослых крестьян почти не бывало душевной симпатии к ним и бескорыстной привязанности. Незаменимые для сельской жизни лошади и коровы, разумеется, ценились, но как имущество, не более того[4]. Так что широко распространенные утверждения, будто наши предки по-настоящему любили домашних животных, не находят подтверждения в исторических источниках.

В общем, «живет кошка, живет и собака!» А как именно? Была ведь и такая поговорка: «Позавидовала кошка собачьему житью» [24, с. 258]. Если жизнь «собачья», то понятно, что это за жизнь.

Список литературы

1. *Алексеевский М. Д.* Болезни животных и методы их лечения в народной культуре // Живая старина. 2007. № 3. С. 37–40.

2. *Бауэр Т. В.* Магические атрибуты вора: обеспечение невидимости (по материалам крестьянской культуры второй половины XIX – начала XX века) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 1. С. 127–138.

3. *Белов В. И.* Повседневная жизнь Русского Севера: очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М. : Мол. гвардия, 2000. 391 с.

4. *Белова О. В. Кот наплакал*: мотивационная семантика в свете народных легенд // Этимологические исследования : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2003. Вып. 8 / Отв. ред. Е. Л. Березович. С. 193–199.

5. *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. В.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог. URL: http://ruthenia.ru/folklore/berezkin (дата обращения: 28.01.2020).

6. *Боброва Ю. В.* Культурологические аспекты зооморфной семантики // Вестник Вятского гос. пед. ун-та. 1999. № 1. С. 83–84.

7. «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую…»: старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. и коммент. О. А. Савельева, Л. Н. Новикова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2001. 266 с.

8. *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири (материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. 1915. Год 24. Вып. 4. С. 325–432.

9. *Голубкова О. В.* Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 304 с.

10. *Голубкова О. В.* О кошке и собаке в мифоритуальной традиции славянских и финно-угорских народов // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 57–62.

11. *Дронова Т. И.* Рождение и воспитание детей в традициях русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // «Жили мы у бабушки, кушали оладышки…» (детский фольклор Усть-Цильмы) / Сост. Т. И. Дронова (отв. сост.), Т. С. Канева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2006. С. 20–47.

12. *Ершова Г. Г.* Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М. : Новый Акрополь, 2007. 392 с.

13. *Кляус В. Л.* Сердца птиц и половые органы животных как средства любовной магии // Секс и эротика в русской традиционной культуре : сб. ст. / Сост. А. Л. Топорков. М. : Ладомир, 1996. С. 313–316.

14. *Коршунков В. А.* Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М. : Редкая птица, 2020. 624 с.

15. *Коршунков В. А.* Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М. : Форум, 2015. 240 с.

16. *Куляпин А. И., Скубач О. А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М. : Языки славянской культуры, 2013. 240 с.

17. *Кутковой В.* О христианском отношении к собаке. URL: http://www.pravoslavie.ru/polemika/5752.htm (дата обращения: 11.01.2020).

18. Лечебная магия (из московских записей) / Публ. В. В. Запорожец // Живая старина. 2007. № 3. С. 40–41.

19. *Макин С.* Люди и кошки: тысячи лет вместе // Наука и религия. 2010. № 12. С. 50–53.

20. *Моисеев Д., свящ.* Мешает ли собака благодати? URL: http://www.odinblago.ru/azi_pravoslaviya/meshaet_li_sobaka (дата обращения: 11.01.2020).

21. *Осокин М.* [*И.*], *свящ.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 59. Отд. : Смесь. С. 57–83; Т. 60. Отд. : Смесь. С. 1–40, 179–214.

22. Пословицы и поговорки, собранные и прокомментированные В. В. Гарновским // Традиционный фольклор Новгородской области: Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963–2002 гг. / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб. : Тропа Троянова, 2006. С. 304–326.

[4] Об отношении крестьян и ямщиков к лошадям см.: [14, с. 304–323].

23. *Райан В. Ф.* Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М. : Нов. лит. обозрение, 2006. 720 с.

24. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М. : Худож. лит., 1988. 431 с.

25. *Рэнсел Д.* «Старые младенцы» в русской деревне // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): мат. междунар. конф. / Отв. ред. В. П. Данилов, Л. В. Милов. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 106–114.

26. *Смилянская Е. Б.* «Три дороги есть: одна в ад в муку, другая в огонь, а третья в рай…»: повествования о вере и спасении старообрядцев Верхокамья // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв.: к изучению биографического и религиозного нарратива / Под ред. Е. Б. Смилянской. М. : Индрик, 2012. С. 49–166.

27. *Турилов А. А.* Народные поверья в русских лечебниках // Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002. С. 367–375.

28. *Усачева В. В.* Калина // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 446–448.

29. *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды / Б. А. Успенский. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 2. С. 67–161.

30. Центральный государственный архив Кировской области.

31. *Halperin Ch. J.* Did Ivan IV's Oprichniki Carry Dogs' Heads on Their Horses? // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. No. 1. Pp. 40–67.

32. *Halperin Ch. J.* «You Dog!»: Ivan IV's Canine Invective // Русистика Руслана Скрынникова : сб. ст. пам. проф. Р. Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / Под ред. Д. Свака и И. О. Тюменцева. Будапешт; Волгоград, 2011 (Книги по русистике / Ruszisztikai Könyvek XXX). С. 89–108.

33. *Halperin Ch. J., Kleimola A. M.* Beastly Humans and Humanly Beasts in Seventeenth-Century Russia // Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2018. Vol. 6. Pp. 46–57. URL: https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/546 (дата обращения: 31.01.2021).

34. *Hellie R.* The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago : University of Chicago Press, 1999. 671 p.

35. *Kleimola A.* A Legacy of Kindness: V. L. Durov's Revolutionary Approach to Animal Training // Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History / Ed. by Jane Costlow, Amy Nelson. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2010. Pp. 164–177.

36. *Kleimola A.* Hunting for Dogs in 17th-Century Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. № 3. Pp. 467–488.

37. *Kleimola A. Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka*: Images of Dogs in Rus' // Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski / Ed. by B. J. Boeck, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington : Slavica Publishers, 2012. Pp. 427–442.

"The cat envied the dog's life": the attitude towards domestic animals in Russia in the 18th – early 20th centuries (cultural, historical and zooanthropological aspects)

V. A. Korshunkov[1], A. V. Korshunkova[2]
[1]PhD in History, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru
[2]student of Saint-Petersburg State University of Veterinary Medicine, employee of "Home of pharmacy" RMC.
Russia, St.-Petersburg. E-mail: a.korshynkova@yandex.ru

Abstract. This paper deals with the attitude of the grassroots communities of Russian people (peasants as well as some urban groups) towards domestic animals, especially in the 18–19th centuries. The sources are mainly memoirs, as well as Russian literature texts of the 18th and 19th centuries, especially those in which this topic is not the main one, but appears as an additional characteristic of a situation or hero. The mentality of Russian people (who were living in a traditional society) was characterized by a mythologized perception of cats and dogs. It seems that dogs were perceived with apprehension and more cautiously than cats. Russian folk veterinary did not notice diseases of cats and dogs, while there were methods for diagnosing and classifying diseases of other animals – cows, horses, pigs, sheep, goats, and poultry. Slavic folk tradition used a variety of magical rituals in which it was necessary to kill a cat. In such cases, cats were killed brutally: they were buried alive, torn apart, were burned, and boiled alive. When in narrative sources it is something about love for a domestic animal (e. g. horse, cow), it turns out that this "love" is not associated with the manifestation of feelings. The animals that in the contemporary urban life have become favorite pets were treated by the villagers pragmatically: adult peasants had almost no emotional sympathy for cats and dogs. Horses and cows, indispensable for rural life, were appreciated but as a property only. The widespread opinion that our ancestors loved their domestic animals has not been confirmed in the narrative sources.

Keywords: zooanthropology, domestical animals, everyday life, memoirs, Russian literature, Russia in the 18th–19th centuries.

References

1. *Alekseevskij M. D. Bolezni zhivotnyh i metody ih lecheniya v narodnoj kul'ture* [Animal diseases and methods of their treatment in folk culture] // *Zhivaya starina* – Living antiquity. 2007. No. 3. Pp. 37–40.

2. *Bauer T. V. Magicheskie atributy vora: obespechenie nevidimosti (po materialam krest'yanskoj kul'tury vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka)* [Magical attributes of a thief: ensuring invisibility (based on the materials of peasant culture of the second half of the 19th – early 20th centuries)] // *Tradicionnaya kul'tura* – Traditional culture. 2018. Vol. 19. No. 1. Pp. 127–138.

3. *Belov V. I. Povsednevnaya zhizn' Russkogo Severa: ocherki o byte i narodnom iskusstve krest'yan Vologodskoj, Arhangel'skoj i Kirovskoj oblastej* [Everyday life of the Russian North: essays on the life and folk art of the peasants of the Vologda, Arkhangelsk and Kirov regions]. M. Mol. Guardia. 2000. 391 p.

4. *Belova O. V. Kot naplakal: motivacionnaya semantika v svete narodnyh legend* [Thematic classification and areal distribution of folklore-mythological motifs: an analytical catalogue] // *Etimologicheskie issledovaniya : sb. nauch. tr.* – Etymological studies : collection of scientific works. Ekaterinburg. Ural State University. 2003. Vol. 8 / Ed. by E. L. Berezovich. Pp. 193–199.

5. *Berezkin Yu. E., Duvakin E. V. Tematicheskaya klassifikaciya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskih motivov po arealam: analiticheskij katalog* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs in the areas of: an analytical catalogue]. Available at: http://ruthenia.ru/folklore/berezkin (date accessed: 28.01.2020).

6. *Bobrova Yu. V. Kul'turologicheskie aspekty zoomorfnoj semantiki* [Cultural aspects of the zoomorphic semantics] // *Vestnik Vyatskogo gos. ped. un-ta* – Herald of Vyatka State Pedagogical University. 1999. No. 1. Pp. 83–84.

7. *"Vzojdu li ya na goru vysokuyu, uvizhu li ya bezdnu glubokuyu…": staroobryadcheskij fol'klor Nizhegorodskoj oblasti* – "Will I ascend a high mountain, will I see a deep abyss...": Old Believers' folklore of the Nizhny Novgorod region / Comp. and comments by O. A. Savelyeva, L. N. Novikova. Novosibirsk. SB RAS. branch "Geo". 2001. 266 p.

8. *Vinogradov G. S. Samovrachevanie i skotolechenie u russkogo starozhilogo naseleniya Sibiri (materialy po narodnoj medicine i veterinarii). Vostochnaya Sibir', Tulunovskaya volost', Nizhneudinskij uezd, Irkutskaya guberniya* [Self-healing and animal treatment in the Russian old-lived population of Siberia (materials on folk medicine and veterinary medicine). Eastern Siberia, Tulunovskaya volost, Nizhneudinsky uyezd, Irkutsk province] // *Zhivaya starina* – Living antiquity. 1915. Year 24. Is. 4. Pp. 325–432.

9. *Golubkova O. V. Dusha i priroda: etnokul'turnye tradicii slavyan i finno-ugrov* [Soul and nature: ethnocultural traditions of the Slavs and Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk. Publishing house of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. 2009. 304 p.

10. *Golubkova O. V. O koshke i sobake v miforitual'noj tradicii slavyanskih i finno-ugorskih narodov* [About the cat and the dog in the mythological and ritual tradition of the Slavic and Finno-Ugric peoples] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri* – Humanities in Siberia. 2004. No. 3. Pp. 57–62.

11. *Dronova T. I. Rozhdenie i vospitanie detej v tradiciyah russkih staroverov-bespopovcev Ust'-Cil'my* [Birth and education of children in the traditions of Russian old believers (bespopovtsy) of Ust-Tsilma] // *"Zhili my u babushki, kushali oladyshki…" (detskij fol'klor Ust'-Cil'my)* – "We were living with my grandmother, were eating pancakes..." (children's folklore Ust-Tsilma) / Comp. T. I. Dronova (resp. comp.), T. S. Caneva. Syktyvkar. Komi Publishing house. 2006. Pp. 20–47.

12. *Ershova G. G. Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve. Mezoamerika* [Ancient America: flight in time and space. Mesoamerica]. M. Novy Acropolis. 2007. 392 p.

13. *Claus V. L. Serdca ptic i polovye organy zhivotnyh kak sredstva lyubovnoj magii* [The hearts of birds and genitals of animals as means of the love magic] // *Seks i erotika v russkoj tradicionnoj kul'ture : sb. st.* – Sex and erotics in Russian traditional culture : collection of articles / Ed. A. L. Toporkov. M. Ladomir. 1996. P. 313–316.

14. *Korshunkov V. A. Put' skvoz' veka i zemli: dorozhnaya tradiciya Rossii* [Travel through time and space: the road tradition in Russia]. M. Redkaya ptica (Rare bird). 2020. 624 p.

15. *Korshunkov V. A. Dorozhnaya tradiciya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition in Russia: rites, customs, and popular beliefs]. M. Forum. 2015. 240 p.

16. *Kulyapin A. I., Skubach O. A. Mifologiya sovetskoj povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoj epohi* [The mythology of Soviet everyday life in the literature and culture of the Stalin era]. M. Languages of Slavic culture. 2013. 240 p.

17. *Kutkovoj V. O hristianskom otnoshenii k sobake* [About the Christian attitude to a dog]. Available at: http://www.pravoslavie.ru/polemika/5752.htm (date accessed: 11.01.2020).

18. *Lechebnaya magiya (iz moskovskih zapisej)* – Healing magic (from tne Moscow records) / Publ. by V. V. Zaporozhets // *Zhivaya starina* – Living antiquity. 2007. No. 3. Pp. 40–41.

19. *Makin S. Lyudi i koshki: tysyachi let vmeste* [People and cats: thousands of years together] // *Nauka i religiya* – Science and Religion. 2010. No. 12. Pp. 50–53.

20. *Moiseev D., priest. Meshaet li sobaka blagodati?* [Does the dog interfere with grace?] Available at: http://www.odinblago.ru/azi_pravoslaviya/meshaet_li_sobaka (date accessed: 11.01.2020).

21. *Osokin M.* [*I.*], *priest. Narodnyj byt v severo-vostochnoj Rossii. Zapiski o Malmyzhskom uezde (v Vyatskoj gubernii)* [People's everyday life in north-eastern Russia. Notes on the Malmyzhsky district (in the Vyatka province)] // *Sovremennik* – Contemporary. 1856. Vol. 59. Sect. : *Smes'* – Varia. Pp. 57–83; Vol. 60. Sect. : *Smes'* – Varia. Pp. 1–40, 179–214.

22. *Poslovicy i pogovorki, sobrannye i prokommentirovannye V. V. Garnovskim* – Proverbs and sayings collected and commented on by V. V. Garnovsky // *Tradicionnyj fol'klor Novgorodskoj oblasti: Poslovicy i pogovorki. Zagadki. Primety i pover'ya. Detskij fol'klor. Eskhatologiya. Po zapisyam 1963–2002 gg.* – Traditional folklore of the Novgorod region: Proverbs and sayings. Riddles. Signs and beliefs. Children's folklore. Eschatology. According to the records of 1963–2002 / Comp. M. N. Vlasov, V. I. Zhekulina. SPb. Tropa Troyanova (Troyan's Path). 2006. Pp. 304–326.

23. *Ryan V. F. Banya v polnoch': istoricheskij obzor magii i gadanij v Rossii* [The bathhouse at midnight: an historical survey of magic and divination in Russia]. M. Novoe lit. obozrenie (New literature review). 2006. 720 p.

24. *Russkie poslovicy i pogovorki* – Russian proverbs and sayings / Ed. by V. P. Anikin. M.: Hudozh. Literature (Fiction). 1988. 431 p.

25. *Ransel D. "Starye mladency" v russkoj derevne* ["Old babies" in the Russian village] // *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.) : mat. mezhdunar. konf.* – Mentality and agrarian development of Russia (19–20 centuries) : mat. of the international conf. / Ed. by V. P. Danilov, L. V. Milov. M. Russian Polit. encyclopedia (ROSSPEN). 1996. Pp. 106–114.

26. *Smilyanskaya E. B. "Tri dorogi est': odna v ad v muku, drugaya v ogon', a tret'ya v raj...": povestvovaniya o vere i spasenii staroobryadcev Verhokam'ya* ["There are three roads: one to hell in torment, another to fire, and the third to paradise...": narratives about the faith and salvation of the Old Believers of Verkhokamye] // *O svoej zemle, svoej vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv.: k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa* – About own land, own faith, the present, and the past in Russia in the 20–21th centuries: studying the biographical and religious narratives / Ed. by E. B. Smilyanskaya. M. Indrik. 2012. Pp. 49–66.

27. *Turilov A. A. Narodnye pover'ya v russkih lechebnikah* [Folk beliefs in the Russian medical manuals] // *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vv.* – Forbidden texts in Russia in the 17–18th centuries / Ed. by A. L. Toporkov, A. A. Turilov. M. Indrik. 2002. Pp. 367–375.

28. *Usacheva V. V. Kalina* [Viburnum] // *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskij slovar'* – Slavic antiquities : ethnolinguistic dictionary / Under the general ed. of N. I. Tolstoy. M. International relations. 1999. Vol. 2. Pp. 446–448.

29. *Uspenskij B. A. Mifologicheskij aspekt russkoj ekspressivnoj frazeologii* [Mythological aspect of Russian expressive phraseology] // *Izbrannye trudy* – Selected works / B. A. Uspensky. Ed. 2nd, corrected and ext. M. Languages of Russian culture. 1996. Vol. 2. Pp. 67–161.

30. Central state archive of the Kirov region.

31. *Halperin Ch. J.* Did Ivan IV's Oprichniki Carry Dogs' Heads on Their Horses? // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. No. 1. Pp. 40–67.

32. *Halperin Ch. J.* "You Dog!": Ivan IV's Canine Invective // Rusistika Ruslana Skrynnikova – Russian studies by Ruslan Skrynnikov : collection of articles in the memory of prof. R. G. Skrynnikov, in honor of his 80th anniversary / Ed. by D. Svak and I. O. Tyumentsev. Budapest ; Volgograd. 2011 (Books on Russian studies / Ruszisztikai Könyvek XXX). Pp. 89–108.

33. *Halperin Ch. J., Kleimola A. M.* Beastly Humans and Humanly Beasts in Seventeenth-Century Russia // Вивліоθика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2018. Vol. 6. Pp. 46–57. Available at: https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/546 (date accessed: 31.01.2021).

34. *Hellie R.* The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago : University of Chicago Press, 1999. 671 p.

35. *Kleimola A.* A Legacy of Kindness: V. L. Durov's Revolutionary Approach to Animal Training // Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History / ed. by Jane Costlow, Amy Nelson. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2010. Pp. 164–177.

36. *Kleimola A.* Hunting for Dogs in 17th-Century Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. No. 3. Pp. 467–488.

37. *Kleimola A. Ni pes ni vyzhlets ni gonchaia sobaka*: Images of Dogs in Rus' // Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski / Ed. by B. J. Boeck, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington : Slavica Publishers, 2012. Pp. 427–442.